

Франсуа Плас

# КОРОЛЕВА ПОД СМЕРЬЮ

Роман

*Перевод с французского Нины Хотинской*

Москва  **КомпасГид**  
издательский дом  
2021

*Кристине Бейкер*

*Все персонажи — вымышленные,  
даже если черты августейшей  
героини позаимствованы у ее ве-  
личества королевы Елизаветы II*



Обычно Сэм хорошо переносила перелеты. Рейс из Южной Африки Йоханнесбург — Амстердам следовал своим путем без происшествий, но после Альп зоны турбулентности пошли подряд без перерыва. Прогноз обещал сильнейшие снегопады, грозы и град во всей Северной Европе.

Стюардесса прошла по проходу, проверяя, пристегнуты ли ремни. Она усадила пассажира, который задержался поболтать стоя, и резким щелчком захлопнула его багажную полку. Спортивная, загорелая, умело покрашенная, она напоминала Сэм актрису из «Голодных игр» — этот фильм девушка выбрала, чтобы скоротать долгий полет.

Самолет мотало, но стюардесса как ни в чём не бывало дошла до своего места у запасного выхода и застегнула на себе сбрую. Сэм отметила ее безусловно покрашенные ногти — ей самой было далеко до этого. Чувствуя, что на нее смотрят, молодая женщина улыбнулась, и Сэм улыбнулась в ответ, хотя ее улыбка вышла чуточку кривоватой из-за нового нырка самолета.

Сосед, спавший пьяным сном, всхрапнул и уронил голову ей на плечо. Она оттолкнула его и покосилась в иллюминатор, где бились о стекло кристаллики льда. Вдали



прорезали тьму вспышки молний — обещанные грозы распространяли свой накал, — словно распускались в толще облаков огромные светящиеся цветы.

Звякнул сигнал, и в динамиках зазвучал голос командира:

— Прошу внимания. Мы начинаем снижение к аэропорту Амстердам-Схипхол. Расчетное время прибытия тринадцать часов тридцать минут по местному времени с опозданием на двадцать минут в силу погодных условий... Температура в Амстердаме минус два градуса Цельсия, снег и сильный ветер...

От снижения заложило уши, и Сэм зажала нос. Она отрегулировала рычажок кондиционера и попыталась расслабиться, но качка снова бросила ее к иллюминатору. За габаритным огоньком в снежном вихре тянулся зубчатый, как пила, след.

Девушка задумалась: как металлическая конструкция этих широких крыльев, таких хрупких на вид, может выдержать подобные нагрузки, не сломавшись и не отвалившись? В трех рядах впереди стюардесса, сидевшая лицом к ней, повесила телефонную трубку и повернулась к стюарду.

Сэм заметила, как тот побледнел.

Динамики снова затрещали, и раздался голос пилота:

— Воздушный контроль сообщил мне, что мы не можем, как предполагалось, приземлиться в аэропорту Амстердам-Схипхол. Из-за сильных снежных заносов наш самолет берет курс на Лондон-Хитроу. Просим вас пристегнуть ремни, убрать столики, привести спинки кресел в вертикальное положение и внимательно перечитать инструкции по безопасности. Компания приносит вам извинения

за доставленные неудобства. Будут приняты все меры, чтобы по возможности скорее доставить вас другим рейсом в Амстердам.

Сосед Сэм, проснувшись, издал что-то вроде мышино-го писка, не вязавшегося с его массивной фигурой, а за ее спиной какой-то тип дал волю гневу:

— Да что же это за дерьмовая компания? Они на нас совершенно...

Его голос утонул в реве двигателей реактивного самолета, вновь набирающего высоту. Борясь с подступающей паникой, Сэм повернулась к стюардессе, и та подняла большой палец, будто говоря: «Не волнуйтесь, всё будет хорошо». Сэм цеплялась за этот безмолвный разговор, чтобы сладить с дыханием.

Самолет пролетел над пригородами Лондона и заложил вираж над погруженными в полутьму полями. Сэм различала озёра цвета олова и крошечные машинки, медленно катившие за кистями света зажженных фар. Всё остальное было белым, покрытым снегом: дороги, деревья, дома. Неужели на дворе апрель? Самолет выпустил шасси, и от резкого толчка дернулись все головы разом. Сэм почувствовала, что они садятся на посадочную полосу наискосок, по-крабьи.

Шасси коснулись земли, дважды подскочили, пилот заглушил двигатели, и тяжелый лайнер довез до конца посадочной полосы двести шестьдесят восемь пассажиров и экипаж в полном составе без иного ущерба, кроме сильного испуга.

— Дженнифер Лоуренс, — пробормотала Сэм.  
Толстый сосед удивленно посмотрел на нее.

— Дженнифер Лоуренс играет в «Голодных играх», —  
объяснила Сэм, как будто продолжая начатый разговор.

Она сделала смешной жест, адресованный стюардессе,  
робкое приветствие на японский манер, ладошка веером.

Как только к самолету присоединили трап, пассажиры  
ринулись открывать багажные отделения, и по всему са-  
лону загудели мобильные телефоны.

## 2

— Как ты, детка, не слишком устала?

— Так себе, *daddy*\*. Посадка была просто акробатическая, нам сказали, что возникла проблема с приземлением, а только что сообщили, что мы застряли в Лондоне. Люди обезумели! Дело чуть не кончилось бунтом.

Прижимая телефон к уху, другой рукой волоча за собой чемоданчик на колесиках, Сэм шла в потоке пассажиров по коридорам аэропорта.

— Я тебя очень плохо слышу, — продолжала она, краем глаза косясь на табло.

— Здесь, — повторил отец, — ветер усиливается и то и дело сыплет снег. Амстердам блокирован снегопадом. Машины едут черепашьим шагом, люди на тротуарах падают, как мухи. Вряд ли твой рейс сможет вылететь до завтра.

— Ты хочешь сказать, мне придется заночевать в аэропорту?

Она тревожно оглянулась на своих товарищей по несчастью, угрюмых, недовольных и помятых, словно их подняли с постели. Служащие в форме, в чьи обязанности входило регулировать поток пассажиров, совершенно

---

\* Папа (*англ.*).



не справлялись со своей задачей. Она продолжала тише, доверительным тоном:

— Мне совсем не хочется ночевать среди всех этих людей.

— У твоего билета хорошая страховка, Сэм, — смеясь сказал отец. — Компания должна оплатить тебе гостиницу.

— Да, да.

— Ладно, детка, передаю трубку брату, он горит желанием с тобой поговорить.

В трубке раздался тонкий голосок Тео:

— Алло, Сэм?

Она услышала, как он набрал в грудь побольше воздуха, чтобы выпалить единым духом:

— Дом весь в снегу, папа говорит, что можно кататься на санках, я и тебе дам покататься, когда приедешь.

— Супер, Тео.

— А ты правда в Англии? Почему ты в Англии?

— Я села на дрянной самолет, который только и мог что приземлиться в Амстердаме. А он взял и сломался.

— Почему его не взяли на буксир? У них нет летучей аварийки?

— Боюсь, что нет.

— Плохо.

— Так вышло, Тео. Самолеты еще не умеют лечить в воздухе.

— Но ты всё равно приедешь на мой день рождения? Будет весело, катаемся на санках.

— Конечно, приеду, дурачок.

— Обещаешь?

— Обещаю. Дашь мне папу?

— Да. Чмоки.

— Чмоки.

Толпа густела, и ей пришлось замедлить шаг; зажимая телефон плечом, она рылась в карманах в поисках паспорта.

— Сэм, — сказал наконец голос отца, — не волнуйся, мы что-нибудь придумаем. Тебе лучше?

— Да, но ты не мог бы позвонить маме? — спросила она жалобным голосом. — Я едва успела послать ей сообщение, когда сели...

Нильс на другом конце линии колебался. Диана, его бывшая жена, терпеть не могла, когда он вставал между ней и дочерью. Сэм, готовая расплакаться, настаивала.

— Папа? Здесь такой бардак! В объявлениях ничего не понять, мы ходим по кругу, люди орут друг на друга, я тебя едва слышу. И потом, нет никакой информации. Ноль. Мама с ума сойдет, если мне нечего будет ей сказать.

Голос Нильса в трубке с трудом пробивался сквозь гомон, но Сэм с облегчением услышала ответ, которого ждала:

— Не волнуйся, я всё сделаю. Только перезвони мне, когда что-нибудь узнаешь.

— Спасибо, *daddy*!

Сэм узнала нескольких пассажиров, смотревших на электронном табло следовавшие одно за другим объявления об отмене рейсов. Служащий аэропорта вызвал в толпе волну, подняв табличку с номером их рейса.

Все устремились к нему, как стадо. Бранились, толкались локтями, лишь бы подойти первыми. Сэм не пришлось идти дальше, фаталистическое выражение лица служащего, его бессильные жесты, ярость одних и досада других ясно дали ей понять, что у нее нет никаких шансов добраться до Амстердама в ближайшие часы. Колесики чемодана нечаянно прокатились по ногам сердитого пассажира.

— Да вы что! Совсем спятили? — прорычал он, хватая девушку за руку и выпустив в ее адрес залп юридических угроз.

Это был ее сосед из самолета, тот самый, что пил и храпел весь полет. Сэм высвободилась с гримасой отвращения и ускорила шаг, а вслед ей неслась ругань.

Толпа, потолок, крики и стук тысяч нервных шагов-молоточков закружились у нее в голове. Она бросилась к туалетам, дыхание зашкаливало, в бронхах свистело. Там тоже была давка. Сэм порылась в рюкзаке, нашла спрей вентолин, поднесла ко рту и вдохнула облачко лекарства, закрыв глаза, прижавшись спиной к фаянсовой плитке, чтобы не сползти на пол.

— Дженнифер, — выдохнула она, вдруг заметив в зеркале напротив стюардессу, которая мыла руки над раковиной.

Та изогнула бровь запятой и указала на себя, ткнув в грудь наманикюренным пальчиком.

— Дженнифер?

Сэм слабо повела рукой, словно хотела стереть слово с доски.

— Вам нехорошо? — встревожилась стюардесса.

Сэм проглотила слезы.

— Сейчас пройдет.

Порывшись в сумочке, стюардесса надорвала маленькую квадратную упаковку.

— Возьмите, — сказала она, протягивая ей влажную салфетку с запахом лимона.

Сэм промокнула лоб и виски. Она была ужасно бледна.

— Может быть, проводить вас в медпункт?

— Спасибо, сейчас пройдет. Я паникую по любому поводу...

— Я наблюдала за вами в полете. Лично я нахожу, что вы держались мужественно.

Сэм мотнула головой. Ей казалось, будто легкие сжимают в тисках.

— Это... люди... — извинилась она. — Когда вокруг толпа, злоба, ненависть... я не могу дышать. С этим никак не сладить. Как подумаю, что придется ночевать здесь, среди этой толпы... ужас.

Стюардесса кивнула, не сводя глаз с девушки: еще подросток, на вид совсем девчонка, но, скорее всего, совершеннолетняя. На застежке-молнии ее рюкзака болталась плюшевая игрушка, маленькая горилла в шортах и каскетке. Занятная девочка.

— Вы одна?

— Да, я летела в Амстердам к отцу, на день рождения моего младшего братишки.

— Можно спросить, как вас зовут?

— Саманта Гёз.

Стюардесса разгладила складки форменного жакета и решила.

— Окей, Саманта, не обижайтесь, но выглядите вы не лучшим образом. И мне не улыбается оставить вас справляться одной. Отели берут штурмом. Компания забронировала нам номера в двух станциях метро отсюда, а наш командир предпочитает ночевать в своей семье в Лондоне. Так что его номер свободен. Возьмем ваш багаж и поедем со мной, хорошо? Так и мне будет спокойнее, и родителей вы сможете успокоить.

Сэм с облегчением выпрямилась.

— Катрин Стириделос, — представилась стюардесса, протягивая ей руку.

Сэм взяла ее ладошку, словно ухватившись за спасательный круг.

— Спасибо. Вы... В самолете я подумала, что вы похожи на Дженнифер Лоуренс.

Стюардесса сделала большие глаза.

— Вы забавная! Я как минимум на двадцать лет старше ее, и два больших мальчугана ждут меня дома. Вы не нашли для меня сравнения повзрослее?

Смутившись, Сэм закусила губу. Опять она попала пальцем в небо!

— Я вообще-то терпеть не могу мое имя, все зовут меня Сэм.

— Хорошо, Сэм. Кстати, если на то пошло, зовите меня Кэти. Идемте. И улыбнитесь: это приключение!

Сэм с облегчением кивнула и, когда Кэти прошла вперед с веселой гримаской, вдруг приосанилась, и лицо ее просияло широкой улыбкой.

## Э

Сэм понадобилась секундочка, чтобы сориентироваться, проснувшись в незнакомой комнате. Она вытянула руку, чтобы взять телефон с прикроватной тумбочки, и чертыхнулась, увидев, что уже без четверти девять. За окном по-прежнему шел снег. Она приняла душ, быстро оделась и пошла завтракать.

По «Би-би-си Ньюс» передавали нон-стоп кадры волны холода, парализовавшей Северную Европу. Сэм высмотрела Кэти за столиком в глубине зала с двумя коллегами, та уже махала ей. Пробравшись между стульями, она поставила свой поднос.

Седрик, стюард, скорбно оглядел его содержимое.

— Йогурт и чай! Это всё?

Кэти пихнула его локтем.

— Дай ей проснуться! Ты подкальываешь ее со вчерашнего вечера.

Вчера Сэм ужинала с ними. Сперва оробев за одним столом с экипажем, она мало-помалу освоилась и даже рассказала о себе, приободренная веселым тоном беседы. Она жила в Южной Африке с матерью Дианой, француженкой с Антильских островов, и отчимом Ричардом, профессором американской истории в Мичиганском университете,

приглашенным на год в университет Йоханнесбурга. Ее отец занимался обслуживанием ветряных двигателей на море. Он жил в Амстердаме с новой женой Карин, воспитательницей в детском саду.

— И у меня есть чудесный братишка Тео, — закончила она. — Ему исполняется четыре года, я специально прилетела на его день рождения.

— У тебя нет фотографии? — спросила Сара, самая молодая из стюардесс.

Сэм выбрала в телефоне свою любимую.

— Какой миленький!

— А ты с ним говоришь по-французски или по-нидерландски?

— По-английски.

Седрик поднял стакан:

— *Happy birthday to you\**, Тео!

Остаток вечера Сэм провела в своем номере и пыталась успокоить мать, глядя на кружащий за окном снег. Отдельные хлопья, словно поддавшись внезапному порыву, отклонялись от своей траектории, летели сквозь завесу собратьев в сиянии фонаря и исчезали в темноте. Она чувствовала себя такой же легкой, как они, такой же бестелесной, во власти ветров или принятых другими решений, неспособной представить себе будущую жизнь.

— Сэм?

Сэм вздрогнула. Кэти протягивала ей кусок поджаренного хлеба.

— Не хочешь тост с мармеладом? Самое что ни на есть *british*.

---

\* С днем рождения (англ.).

— Нет, спасибо, правда, с утра я не могу.

Надо было прислушиваться, чтобы разобрать приглушенный звук телевизора, по-прежнему передающего кадры, снятые повсюду в Европе: застрявшие поезда, регионы, оставшиеся без электричества, начало наводнений. Говорили об угрозе затопления шлюзов на плотине в Сильвертауне. Синоптики в прямом эфире разводили руками. В репортаже из Амстердама люди шли под снежными вихрями. Сгорбившиеся, в развевающейся одежде, они походили на персонажей немого кино, попавших в снежную бурю.

— Мы зависли в Лондоне до завтра, — вздохнула Кэти, в очередной раз заглянув в свой телефон. — Хотим выйти в город, пройтись по Пиккадилли и Камдену. Присоединишься к нам?

— Там полно бутиков и ресторанчиков, — пояснила Сара. — Лично я обожаю гулять по Стейблз-маркету, бывшему конскому рынку.

— Нет, извините, — сказала Сэм, — я... я пойду повидать подругу.

Ответ вылетел сам собой, так быстро, что она сама удивилась.

— *Ти-ти*, подругу или друга... — пропел Седрик, упершись подбородком в ладони и усиленно делая вид, будто внимательно смотрит телевизор.

— Ты знаешь, где она живет? Лондон ведь большой.

— Где-то недалеко от Сити, кажется.

— У тебя есть ее телефон?

Сэм прикусила губу.

— Только адрес. Я записала его в блокнотик. Мы предпочитаем переписываться по почте.



Кэти вытаращила глаза.

— Пишем друг другу письма, — уточнила Сэм.

— Ты хочешь сказать, в конвертах с марками, я правильно поняла? Мне кажется, ты живешь в прошлом веке! А этот блокнотик у тебя с собой?

Сэм достала его из кармана и отыскала адрес.

— Это в районе Уайтчепел, — констатировала Кэти, взглянув в свой смартфон. — Ты там уже бывала?

— Бр-р... — фыркнул Седрик. — Уайтчепел! Район Джека Потрошителя!

Кэти испепелила его взглядом.

— Но ты хотя бы знаешь, есть ли на дверях кодовый замок или домофон?

Сэм отрицательно покачала головой.

— Но я что-нибудь соображу, — заключила она. — Подожду у двери. Рано или поздно кто-нибудь выйдет или войдет.

— Можешь дать мне твой телефон?

Сэм выпалила номер, и пальцы Кэти порхнули, записывая его. Едва она закончила, как у Сэм звякнуло сообщение.

— Вот, я послала тебе свой эсэмэской, — сказала Кэти. — Позвонишь мне, если что, ладно? А если передумаешь, встречаемся после обеда в Камдене. Или вечером в отеле, скажем, часов в семь-восемь? Поужинаем вместе. Договорились?

Сэм энергично закивала, а в глубине души уже явно начала сомневаться в своей затее. В Южной Африке она жила в закрытом квартале, настоящих друзей не имела, общалась в основном со взрослыми, которые считали ее девчонкой, такой она была робкой. Свою подругу по переписке она никогда не видела вживую. Для нее это было

всё равно что отправиться в полярную экспедицию, в погоню за химерой, в незнакомых краях за десять тысяч километров от дома.

Она доела завтрак, не сказав больше ни слова, и пошла к лифту.

— Ты не слишком с ней носишься? — спросил Седрик, повернувшись к Кэти. — Мы знаем эту девчонку только со вчерашнего дня. Тебе нет резона опекать ее как родную дочь. Она совершеннолетняя, вакцинированная, на дворе белый день. Я еще понимаю, если бы она гуляла в минибудке по проблемному кварталу в два часа ночи...

Голос Кэти зазвучал на странно низких нотах:

— Это сильнее меня. Она напоминает мне мое первое самостоятельное путешествие: мне было восемнадцать лет, выглядела я на четырнадцать-пятнадцать, всего боялась, постоянно паниковала...

— Смотри, посадишь ее себе на шею. Мало нам в самолете умирающих от страха, пьяниц и психопатов, надо еще заниматься подростками на временной посадке...

— В худшем случае, — добавила Сара, — она может ошибиться домом, когда будет искать свою подругу.

— Может быть. И всё-таки, если с ней что-то случится, я себе не прощу. В ней есть что-то такое, что тревожит меня...

— Что такое?

— Я не знаю. Надлом...

Поднявшись в свой номер, Сэм экипировалась в стиле коммандо: джинсы, кроссовки, две футболки, одна поверх другой, старый свитер с капюшоном и новенький

смартфон. Она сунула в рюкзак паспорт, бумажник, вентолин, блокнотик и карандаш. Кое-как расчесав курчавые волосы, она состроила перед зеркалом гримасу и приняла, по ее мнению, сексуальную позу. В зеркале отражалась юная метиска, слегка пухленькая, довольно хорошенькая... по крайней мере, так ей говорили.

Она накинула ветровку, подхватила рюкзак и, взявшись за ручку двери, в последний раз оглянулась на свое отражение.

— Саманта Гёз, *London explorer*\*, в путь!

---

\* Исследователь Лондона (англ.).

## 4

Элиот и Фергюс вышли из паба. Едва они ступили за порог, холод так и набросился на них. Они подняли воротники и втянули головы в плечи.

Фергюс зажег сигарету, сложив ладони лодочкой и пригнувшись, чтобы защитить пламя. Он длинно выдохнул дым через ноздри, закатив глаза к небу.

— Мне позарез нужны бабки. Он не может взять меня в свой рестик, твой братан?

Элиот повернулся на каблуках.

— Ты серьезно? В прошлый раз ты его не убедил. Смылся, оставив половину посуды в раковине! А всю работу пришлось доделывать мне!

— Проблема с Томом та, что он всегда призывает нас на проекты «Миссия невыполнима», прикинь? А кухня у него для садового гнома! Нагнешься открыть мусорное ведро под раковиной и приложишься о стенку сзади. Выпрямишься — поцелуешь ручку шкафчика. А он не находит ничего лучше, чем устроить банкет ветеранов. Не спрашивай, как они все уместились в зале, я так и не понял, даже притом, что стулья у соседа одолжили. И я не знал, сколько они жрут, эти старые солдаты. Желудки на ножках, да и только. Когда они ушли, в рестике было как после циклона.

— Но ты же согласился, разве нет?

— Я согласился мыть посуду, а не драить кастрюли отбойным молотком. Я свалил, пока не заработал двойной тендинит. Это была самозащита.

Элиот взял у него сигарету и так же выдохнул дым, запрокинув голову.

— Если бы он захотел нанять меня на настоящую работу, — продолжал Фергюс непоколебимо кривить душой, — оформленную по закону, постоянную, тогда окей, я его с потрохами.

— Брось. Он о тебе и слышать больше не хочет.

Лицо Фергюса превратилось в маску оскорбленной невинности, глаза устремились на тротуар, призывая его в свидетели. Он сокрушенно покачивал головой, словно говоря: это выше моего понимания.

— У меня, кажется, есть план на четверг, — сказал Элиот. — Разгрузить полуприцеп на одном складе в Севен-Кингс. Управляющего я знаю, он берет только молодежь, платит вчерную. Отстегивает хорошо, но работа не из легких, предупреждаю. Весь груз надо поднять на третий этаж без лифта.

— Что за груз?

— Старинная мебель.

— Вот радость-то, — буркнул Фергюс. — В котором часу начинать?

— В пять часов... Грузовик едет ночью.

Фергюс присвистнул сквозь зубы.

— В пять утра? А если притащимся зря? Видел, что по телевизору показывают? Дороги превратились в катки. Он запросто может слететь в кювет, твой грузовик.

— Ты идешь или не идешь? Он классный парень, мне доверяет.

Фергюс задумчиво смотрел на тающий дым сигареты.

— Пять утра. Мечта, что тут скажешь... Постой, да она совсем без башни, смотри!

— Ты о ком?

— Черная девчонка, вон там. Идет уткнувшись в смартфон.

Элиот посмотрел в направлении, указанном ему подборокком. Он увидел на другой стороне улицы девушку, она шла медленно, уставившись в экран телефона, в уши были воткнуты наушники. За ней на очень близком расстоянии следовал подозрительный тип, а меньше чем в десяти шагах впереди стоял на стреме мальчишка-подросток, прислонившись к стене, руки в карманах, капюшон низко надвинут на лицо.

Всё произошло очень быстро. Мальчишка, как только она поравнялась с ним, прыгнул на нее и выхватил телефон, в то время как его сообщник толкнул ее и попытался вырвать рюкзак. Девушка завизжала. Она потеряла равновесие и проскользила несколько метров по земле, вцепившись в ляжку рюкзака.

— Пустите ее, ублюдки! — закричал Фергюс.

Вспугнутые его криком, воришки пустились наутек. Фергюс метнулся следом, но рука друга резко рванула его назад. Красная махина автобуса, вырвавшегося справа, едва не задела его, взревел клаксон, и фонтан ледяного снега из-под колес обдал обоих до колен.

— Черт, Фергюс, ну ты даешь! Жить надоело?

Они бегом пересекли шоссе, широко раскинув руки, чтобы не поскользнуться. Воришки уже исчезли за углом, их было не догнать.

Фергюс подбежал первым. Девушка сидела на тротуаре, еще оглушенная, и лихорадочно рылась в рюкзаке.

Он увидел в ее руке маленький аэрозольный баллончик и отпрянул, заслонив лицо руками, мало ли, вдруг у нее какая-нибудь пакость для самозащиты, с перцем или слезоточивым газом.

Но вместо того чтобы направить баллончик на него, девушка поднесла его ко рту и глубоко вдохнула, зажмурившись.

Он слегка потряс ее за плечо. Еще крепче сжав в руке лямку рюкзака, она съежилась и отшатнулась.

— Не, да ты чё? — возмутился Фергюс, недовольный, что его причислили к ворам. — У нее чердак поехал! — пожаловался он, повернувшись к Элиоту и призывая его в свидетели.

— Она в шоке, Фергюс, — объяснил тот, — ты ее напугал.

Он присел рядом с девушкой. У нее была смуглая, золотистая кожа. Ореховые глаза в обрамлении длинных черных ресниц, скорее удивленные, чем испуганные, смотрели на него так пристально, что он угадывал свое отражение в черных зрачках.

— Всё хорошо, тебе ничего не грозит, — сказал он как мог мягко. — Мы не бандиты.

Девушка быстро провела рукой по волосам, и от этого простого жеста сердце Элиота понеслось вскачь по незнакомым тропам. Она выпрямилась. Он протянул руку, чтобы помочь ей встать.

— Спасибо, — пробормотала Сэм.

От вентолина стало легче, она немного отдышалась.

— Эти сукины дети свистнули твой мобильник, — констатировал Фергюс, указав подбородком на угол, за которым скрылись грабители.

Сэм кивнула. Тот, который заговорил, был повыше, лет двадцати, с квадратной челюстью, насаженной на длинную

шею, и гнусавым голосом. На нем были ботинки на толстой подошве, узкие джинсы, куртка-бомбер и вязаная шапочка, натянутая до ушей.

— Ты Фергюс, если я правильно поняла, — сказала она, попытавшись улыбнуться. — А ты?

От неожиданности Элиот едва смог пробормотать свое имя. У него был вид милого мальчика, изо всех сил старающегося выглядеть крутым. Его лицо могло разом просиять под россыпью веснушек, а живой взгляд придавал особую прелесть робкому выражению.

Снег вокруг сыпал не переставая. Прохожих было мало, шины на мостовой странно поскрипывали, а двое мальчишек походили скорее на фашистиков из крайне правых, чем на ангелов-хранителей, однако именно они ее спасли.

Элиот откашлялся.

— А ты... можно узнать, как тебя зовут?

— Сэм.

Она отвернулась, будто искала какую-то точку вдаль, и добавила как бы самой себе:

— Мне надо пойти в полицию.

Фергюс шмыгнул носом и повел плечами.

— Зачем? Они были в капюшонах, а в такой снег на камеры наблюдения рассчитывать не приходится. Никто не найдет этих подонков. А ты тоже хороша, разгуливаешь со смартфоном за восемь сотен и даже не смотришь, куда идешь.

— Я должна предупредить родителей, и надо заблокировать мой телефон.

— Держи, — Элиот протянул ей свой, — позвони им.

— Они... Они не отсюда.

— О, Элиот, — рассмеялся Фергюс, — мисс — принцесса из дальних стран. Прикинь, она живет в Австралии или в Новой Зеландии!



- Недалеко оттуда, — сказала Сэм. — В Южной Африке. Элиот попятился и убрал телефон в карман парка.
- Извини, я не могу влезать в такие долги, не расплачусь до третьего поколения.
- Но мой отец живет в Амстердаме, — добавила Сэм.
- Можно зайти в интернет-кафе, — предложил Фергюс. — Ты нездешняя, если я правильно понял. Что же ты делаешь в Лондоне?
- Я должна была сегодня быть в Амстердаме и праздновать день рождения моего братишки. Дикая история: мой самолет не смог сесть и приземлился в Хитроу.
- Это не объясняет, что ты делаешь здесь. Для прогулок есть места погламурнее Уайтчепела.
- Кончай, я совершеннолетняя, делаю что хочу. Вы знаете, где полицейский участок?
- Они красноречиво переглянулись.
- Ты правда хочешь сообщить в полицию?
- По-моему, это обязательно, для страховки. И потом, телефон был совсем новенький.
- Она так и видела ход их мыслей, пока они пытались сложить головоломку каждый со своей стороны. Эта девчонка, якобы совершеннолетняя, еще нуждается в своих родителях, живущих в разных концах света. Она гуляет по кварталу, как туристка, со смартфоном последней модели в руках. Результат: ее ограбили, и, разумеется, она хочет пойти в полицию. Выдумщица, ясен пень, во всяком случае, с приветом. Как не согласиться с ними? С виду всё говорило против нее.
- Она протянула руку.
- Я сама справлюсь. Спасибо. Пока.
- Элиот пожал ладонку и задержал ее в своей на секунду или две дольше, чем было необходимо. Она бы очень

удивилась, если бы узнала его версию. Он находил эту девочку очень привлекательной, да, и... мужественной. Нет уж, столько ублюдков ошивается поблизости, что отпустить ее без телохранителей — вряд ли хорошая идея.

— Это на Боу-роуд, в трех станциях метро, — выдохнул он наконец.

Фергюс ухватил его за локоть и метнул сердитый взгляд.

— Пошли, сваливаем. Я уже задницу отморозил.

Элиот вырвал руку. Девочка уже удалялась.

— Сэм! — крикнул он и побежал за ней. — Подожди, мы тебя проводим!

И добавил тише, повернувшись к приятелю:

— Только до дверей, Фергюс.

Тот присвистнул сквозь зубы.

— Окей, только не показываемся. Нарисоваться в легавке — еще чего не хватало. Опять на меня навешают всех собак.

Сунув руки в карманы, чтобы мало-мальски согреться, они нагнали Сэм. Пошли с обеих сторон, словно выгуливали младшую сестренку, только Элиот держался прямее обычного, а Фергюс нарочито поводил плечами.